

УДК 322(470.5)''1941/1945''

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ОБНОВЛЕНЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА)

В. В. Лавринов

Статья посвящена истории государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны. Особенное внимание уделяется деятельности обновленческой Церкви, рассматриваются причины ее ликвидации.

Ключевые слова: Русская православная церковь, государственно-церковные отношения, Урал, религиозные организации, духовенство, патриотическая деятельность, открытие церквей, патриаршество, обновленчество, консолидация Церкви.

22 июня 1941 г. началась война с Германией. Руководители обновленческой Церкви первоиерарх Виталий (Введенский) и его заместитель митрополит Александр (Введенский) выпустили воззвание, в котором выразили протест и негодование по поводу внезапной фашистской агрессии. Они обратились к верующим с призывом встать на защиту родины и выполнить свой христианский долг [5, 46]. С аналогичным воззванием выступил и глава патриаршей Церкви митрополит Сергей (Страгородский). По всей стране началось оживление приходской деятельности. В условиях сурового военного времени резко обострились религиозные чувства народа и, как следствие, заметно увеличилась посещаемость храмов. Феномен усиления религиозности на войне показан в статьях Е. С. Сенявской. Люди молились за своих близких, ушедших на фронт, и поминали погибших. Высшее духовенство обратилось к правительству СССР с просьбой разрешить открытие счетов в госбанке для внесения средств на оборонные цели. Сталин дал письменное согласие и поблагодарил от лица Красной Армии Церковь за ее инициативу. Начался повсеместный сбор денежных средств на нужды обороны и в помощь жертвам войны. Но не только деньгами помогали верующие фронту. Они жертвовали также предметы на различные военные надобности и для сражающихся бойцов. Особенно усилились к зиме сборы теплых вещей. Немало служителей Церкви находилось в народном ополчении.

В октябре 1941 г. в руководстве обновленческой Церкви произошли перемены. Место первоиерарха Виталия (Введенского) занял его однофамилец митрополит Александр (Введенский). Последним было упразднено Высшее Церковное управление, и вся власть сосредоточилась в одних руках. В условиях возможного захвата Москвы городские власти приняли решение об эвакуации из города высших руководителей религиозных организаций. Все они были вывезены в Ульяновск. Устроившись на новом месте, первоиерарх Александр предпринял шаги по восстановлению епархиальных структур. Ряд заштатных архиереев получил назначения на обновленческие кафедры. Среди них был архиепископ Филарет (Яценко), назначенный управляющим Свердловской епархией. Поскольку обновленческого храма в Свердловске не имелось, его кафедрой стала Троицкая кладбищенская церковь Ирбита. О том, насколько важен был для обновленческой Церкви Урал, свидетельствует то, что в помощь Филарету был назначен сын первоиерарха протоиерей Андрей.

Архиепископ Филарет, вскоре возведенный в сан митрополита, стал вмешиваться в деятельность не подведомственных ему приходов и требовать от них безусловного подчинения. Священники жаловались митрополиту Сергию (Страгородскому) и просили принять меры. Так, настоятель церкви с. Серебрянка Кушвинского района протоиерей И. Покровский сообщал, что с прибытием митрополита Филарета положение общины ухудшилось, поскольку он присылает свои распоряжения и неисполнением их запугивает церковный совет¹.

Для достижения своих целей митрополит Филарет нередко шел на прямой обман. Например, прибыв в Красноуфимск, он предложил приходскому совету кладбищенской церкви объединиться с обновленцами, ссылаясь на то, что митрополит Сергей (Страгородский) уже объединился с ними. Получив отказ, Филарет заявил в Красноуфимский горсовет о беспорядках в храме. Власть тут же провела ревизию имущества и кассы прихода, которая ничего не дала².

Нравственный облик обновленческого архиерея был хорошо известен местным властям. Так, уполномоченный Совета по делам РПЦ по Свердловской области В. Смирнов отмечал, что Филарет «довольно беспринципный человек», который ходит на базар, покупает водку и ругается крепкими словами³.

Однако обвинять всех обновленцев в низких моральных качествах было бы исторически неверно. В обновленчестве имелось множество достойных людей, трудившихся «не за страх, а за совесть». И в военные годы обновленческое духовенство Свердловской области внесло свою немалую лепту в дело обороны страны. Например, протопресвитер Д. Фесвитянинов только в 1942 г. пожертвовал на нужды фронта более 85 тыс. руб. деньгами и облигациями [1, 570].

Вдохновляемые примером своих пастырей, не отставали и приходские общины. Так, 2 ноября 1944 г. община Михаило-Архангельской церкви Кушвы телеграфировала Сталину о перечислении 100 тыс. руб. на постройку самолетов⁴. Конечно, не все приходы могли позволить себе столь значительные взносы. Малочисленные сельские приходы, по сравнению с городскими, находились в гораздо худших материальных условиях, но и они изыскивали средства на нужды родины.

Уже в первые месяцы войны отношение государства к религии стало меняться. Это выразилось в первую очередь в том, что местные власти перестали закрывать церкви. Так, в Свердловской области в июле-августе 1941 г. были вынесены постановления о закрытии 6 православных церквей и более такие решения уже не принимались⁵. Одной из причин столь кардинальной перемены стала широкая патриотическая деятельность Церкви. Но главным аргументом послужили политические мотивы – боязнь лишиться поддержки в войне западных держав. Президент США Ф. Рузвельт, решив объявить войну Германии, встретил сопротивление со стороны американского Совета Церквей Христа, который считал недопустимым воевать на стороне безбожного государства. Вступление в войну было необходимо оправдать в глазах христианской общественности США, обеспокоенной положением верующих в Советском Союзе [2, 270–271]. Более того, чтобы помощь союзников не прервалась, требовались доказательства, что религиозная свобода в стране существует. Поэтому 1 января 1942 г. СССР, в числе других государств-участников антигитлеровской коалиции, подписал «Декларацию Объединенных Наций», в которой особо оговаривались религиозные права личности [3, 346–347]. После этого прекратилась открытая травля Церкви в периодической печати. В этих условиях в ряде мест власти перестали препятствовать открытию церквей и массовым богослужениям. Например, в 1942 г. возобновилась служба в Иоанно-Предтеченской церкви Свердловска, а в следующем году еще в 5 храмах Свердловской области⁶.

Переломным моментом в государственно-церковных отношениях стала историческая встреча И. В. Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), состоявшаяся 4–5 сентября 1943 г. На переговорах присутствовали нарком иностранных дел В. М. Молотов и полковник госбезопасности Г. Г. Карпов. В ходе беседы были приняты решения о скорейшем созыве Поместного Собора и избрании патриарха, о восстановлении духовного образования, издательской деятельности, об открытии приходов и монастырей. Примечательно, что представители обновленческой Церкви для участия во встрече приглашены не были, поскольку руководством страны уже был сделан выбор в пользу Московской Патриархии. Известный историк М. В. Шкаровский приводит несколько причин, повлиявших на принятие такого решения. Он указывает, что обновленчество не пользовалось поддержкой широких слоев населения внутри страны и за ее пределами. Еще одной причиной называет непризнание обновленческой Церкви большинством Поместных Православных Церквей. И, наконец, утверждает, что патриаршая Церковь являлась в большей степени носителем национальных традиций [6, 191–192]. Все эти причины, с нашей точки зрения, вполне обоснованны.

12 сентября 1943 г. состоялась интронизация патриарха Сергия, а через день постановлением советского правительства был образован Совет по делам Русской Православной Церкви во главе с вышеупомянутым Карповым. 7 октября 1943 г. СНК СССР утвердил Положение о Совете, в главные задачи которого входило: рассмотрение вопросов, поставленных патриархом; выработка проектов законодательных актов, постановлений и инструкций в отношении Церкви и внесение их на рассмотрение СНК СССР; наблюдение за правильным их исполнением; составление отчетов для правительства о положении Церкви и ее деятельности⁷.

В связи с изменением государственно-церковных отношений советское правительство приняло ряд постановлений, которыми были внесены изменения в законодательство о культах 1918 и

1929 г. Например, 28 ноября 1943 г. было принято постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей». Если ранее принятие решений по открытию и закрытию церквей предоставлялось районным, областным и краевым исполкомам, то отныне это право имел только Совет по делам РПЦ. В связи с принятием этого постановления активизировались верующие всей страны, и увеличился поток ходатайств об открытии церквей. Так, в Свердловской области в сентябре 1944 г. таких ходатайств насчитывалось 50, из них лишь 4 были удовлетворены⁸.

Следует отметить, что никакие решения советской власти в отношении Церкви не принимались без согласования с органами госбезопасности. Об этом свидетельствует докладная одного из областных уполномоченных Совета по делам РПЦ. В документе отмечается, что назначение и перемещение духовенства, открытие церквей производится только с согласия местного управления НКГБ. При этом уполномоченный сетует, что такое положение отрицательно сказывается на работе, поскольку вызывает недовольство со стороны епископа, осложняет работу по регистрации священнослужителей и создает противоречия по открытию церквей в соответствии с принятыми постановлениями⁹.

Материальное обеспечение духовенства также было поставлено под жесточайший контроль со стороны государства. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. (ст. 19) для священнослужителей была установлена ставка подоходного налога, позволяющая взимать до 65% их годового дохода. Там же оговаривалось, что общая сумма налога не может превышать 75% годового дохода. В следующем году налоговое бремя еще более усилилось. Согласно циркуляру Наркомфина СССР от 17 апреля 1944 г. при исчислении налога с духовенства должен был учитываться весь доход (денежный и натуральный), получаемый от религиозных обрядов и треб, независимо от источника: епархии, прихода или верующих¹⁰. На местах часто встречались нарушения финансового законодательства. Например, причту Казанской церкви Нижнего Тагила был предъявлен налог, превышающий 75%. После вмешательства уполномоченного жалоба была передана для проверки в областной финансовый отдел¹¹.

12 октября 1943 г. председатель Совета Карпов направил Сталину докладную записку, в которой писал, что в связи с избранием патриарха среди епископата и духовенства обновленческой Церкви наблюдается растерянность. Он отмечал, что некоторые обновленческие деятели не видят перспектив сохранения обновленческого течения и выказывают желание перейти в сергиевскую Церковь. Далее Карпов констатировал, что Совет по делам РПЦ, ввиду того что обновленчество сыграло свою положительную роль и последние годы не имеет значения, считает целесообразным не препятствовать распаду обновленческой Церкви и переходу обновленческого духовенства и приходов в патриаршую сергиевскую Церковь. Представленный доклад был одобрен Сталиным, и в местные органы власти было направлено соответствующее секретное распоряжение [5, 84–85].

В связи с разворачивающимся движением присоединения перед Московской Патриархией встал вопрос о чиноприеме обновленцев. Первоначально предполагалось монашествующих или вдовых архиереев принимать с понижением в сане, но с возможностью дальнейшего восстановления, а женатых архиереев, не лишая сана, выводить за штат. После обсуждения на октябрьских заседаниях Синода было решено, что обновленческие архиереи, рукоположенные до постановления патриарха Тихона от 15 апреля 1924 г., принимаются в сущем сане, т.е. в том сане, который имели до перехода в обновленчество, а рукоположенные после этой даты и не имеющие канонических препятствий должны получить перерукоположение¹².

К середине 1943 г. в обновленческой Церкви имелось 13 правящих и 10 заштатных архиереев [1, 587–588]. В ноябре-декабре 1943 г. принесли покаяние митрополит Корнилий (Попов), архиепископы Михаил (Постников) и Андрей (Расторгуев), епископ Сергей (Ларин). В январе-марте 1944 г. принесли покаяние митрополиты Тихон (Попов), Виталий (Введенский) и Михаил (Орлов), архиепископы Анатолий (Синицын) и Петр (Турбин). После этого переход архиереев замедлился и даже остановился. Карповым предпринимались попытки повлиять на первоиерарха Александра (Введенского), поскольку его переход в Московскую Патриархию был очень желательным и мог бы значительно ускорить процесс объединения обеих ветвей Церкви. Однако тот до последнего надеялся, что власти не решатся ликвидировать обновленчество и продолжал управлять быстро редуцирующимися приходами. Когда же, потеряв свою паству, Введенский стал обсуждать условия своего присоединения, ему было объявлено, что он, как двоеженец, может быть принят только мирянином. К такому повороту событий идеолог обновленчества оказался не готов.

Характерно, что Церковь всегда нуждалась в грамотных руководителях. Поэтому многие обновленческие иерархи после принесенного ими покаяния вновь занимали прежние должности. Так, бывший первоиерарх Виталий (Введенский) был принят в сане епископа и вскоре назначен на Тульскую кафедру. Это же в полной мере относится и к руководителям среднего звена – благочинным. Например, протоиерей Фесвитянинов был оставлен благочинным, а вскоре стал секретарем Свердловской епархии и членом Епархиального Совета.

В первой половине 1944 г. большинство обновленческих приходов и духовенства под давлением властей присоединилось к Московской Патриархии. 15 августа 1944 г. Карпов обратился с докладной запиской к Сталину, в которой писал о необходимости ускорить процесс распада обновленческой Церкви. Он отмечал, что в СССР осталось всего 147 обновленческих церквей, из которых 86 церквей во главе с архиепископом Владимиром (Ивановым) находятся в Краснодарском крае и 42 церкви во главе с митрополитом Василием (Кожиним) – в Ставропольском. Далее Карпов информировал о готовности этих архиереев объявить своей пастве о разрыве отношений с первоиерархом Александром (Введенским) по причине его аморального поведения [5, 85–87].

Известие о выборах патриарха уральским обновленческим духовенством было встречено неоднозначно. Так, в спецсообщении Управления НКГБ по Свердловской области отмечалось, что священники Верхне-Сергинской и Нижне-Сергинской обновленческих церквей Решетников и Поляков, беседуя с членами своих общин, осуждали политику Московской Патриархии и подвергали каноническим сомнениям решения прошедшего Собора¹³.

Под нажимом властей начался переход обновленческих общин и в Свердловской области. Первыми в декабре 1943 г. принесли покаяние причт и община Екатерининской церкви Алапаевска. Однако форсировать процесс присоединения оказалось непросто, поскольку многие священнослужители пытались этому активно противодействовать. Например, настоятель церкви с. Ницинское Ирбитского района протоиерей А. Чечулин отказался принести покаяние, обосновав тем, что он идейный обновленец. Когда уполномоченный Совета по делам РПЦ по Свердловской области распорядился провести приходское собрание и поставить вопрос о присоединении к патриаршей Церкви, председатель сельсовета Рублев запретил священнику выступать¹⁴.

Толчком к всеобщему переходу послужил отъезд в Москву митрополита Филарета весной 1944 г. Вскоре принесли покаяние причт и община Троицкой церкви Красноуфимска. Следом воссоединились Успенская церковь с. Савиново Манчажского района и Николаевская церковь с. Ницинское Ирбитского района.

Количество обновленческого духовенства быстро снижалось. Если к 1 апреля 1944 г. в Свердловской области имелось 12 обновленческих священников и 3 диакона, то через три месяца уже 9 священников и 3 диакона. К 1 октября 1944 г. осталось 7 священников и 3 диакона¹⁵. Стабильное количество обновленческих диаконов обусловлено их наличием на больших приходах, которые к этому времени еще функционировали.

В конце 1944 – начале 1945 г. в ведение Московской Патриархии перешли причты и общины основных очагов обновленчества в Свердловской области – Ирбита и Кушвы. Проследить судьбу обновленческого духовенства позволяют их послужные списки. Например, настоятель Кушвинской церкви протопресвитер Д. Фесвитянинов был принят в сане протоиерея и оставлен в прежней должности. Второй священник церкви протоиерей А. Дуркин, как двоеженец, от службы был отстранен и лишен сана. Лишь спустя два года, покаявшись, он получил место псаломщика на одном из приходов¹⁶.

В марте 1945 г. принесли покаяние и воссоединились причты и общины двух последних обновленческих приходов – в Нижних Сергах и в Верхних Сергах, и таким образом к концу войны с организованным обновленчеством в Свердловской области было покончено, хотя приверженцы обновленчества, безусловно, остались.

В соседней Пермской области в военные годы действовали всего два обновленческих прихода – в пос. Добрянка Добрянского района и в с. Покча Чердынского района. В 1946 г., несмотря на то, что в общине имелось около 1000 сторонников обновления и всего лишь 50 сторонников патриаршей Церкви, Добрянский приход усилиями властей был присоединен к Московской Патриархии¹⁷. Приход в Покче функционировал еще несколько лет, пока в июне 1951 г. не был принудительно закрыт¹⁸. Этот приход стал последним обновленческим приходом из 650, некогда имевшихся в огромной Уральской митрополии.

Оставшись без места, некоторые обновленческие священники вынуждены были зарабатывать совершением обрядов и треб в домах верующих. Такие отправления культа считались незаконными, поэтому отслеживались и фиксировались местным уполномоченным Совета по делам РПЦ. Например, в Ревде был задержан священник Кавернинский, которому было предложено прекратить свою деятельность¹⁹.

Один из советских исследователей обновленчества А. А. Шишкин утверждал, что наметившийся в годы войны бурный переход приходов и целых епархий во главе с архиереями в ведение Московской Патриархии был обусловлен осознанием обновленцами действительной лояльности ее к советской власти [4, 355]. С этим выводом согласиться нельзя, поскольку практически все обновленческие приходы вместе с духовенством были присоединены под нажимом властей.

Смерть митрополита Александра (Введенского), последовавшая 25 июля 1946 г., завершила процесс консолидации Русской Православной Церкви. К этому времени практически все обновленческие приходы и духовенство были присоединены к Московской Патриархии. Осталось несколько архиереев, отказавшихся принести покаяние или по каноническим причинам не принятых в лоно матери-Церкви, которые уже не могли существенно повлиять на положение дел. В числе первых находился бывший Кунгурский архиепископ Серафим (Коровин), весьма уважаемый на Урале архипастырь. Очевидно, его решение было продиктовано чисто идеологическими соображениями. В числе вторых был митрополит Филарет (Яценко), считавший себя преемником дела Введенского. Следует отметить, что в последующие годы многие из бывших ранее обновленцами старались поддерживать своих прежних сослуживцев. Например, тот же митрополит Филарет в 1946–1947 гг. проживал в Одессе, где служил епископом его давний знакомый Сергей (Ларин). Заботу о прежних собратях проявляли не только архиереи. Например, протоиерей Д. Фесвитянинов, ставший фактически помощником правящего архиерея, активно помогал бывшему обновленческому духовенству при оформлении пенсии, занижая время, проведенное в расколе. Об этом свидетельствуют документы Екатеринбургского Епархиального Управления²⁰.

Небезынтересна судьба обновленческих архиереев, в разное время занимавших епископские кафедры и священнические места в Уральской митрополии. Из шести десятков человек треть умерли своей смертью, треть были расстреляны в годы массовых репрессий или приговорены к различным срокам, судьба еще трети остается неизвестной. Лишь пятеро пережили репрессии и войну. Четверо принесли покаяние, и лишь один остался нераскаянным.

В годы Великой Отечественной войны значительно ослабел контроль государства над Церковью, что привело к активизации церковной деятельности, в том числе обновленческой. Пользуясь обстоятельствами военного времени, руководители обоих течений Русской Православной Церкви попытались восстановить епархиальные структуры и это им частично удалось. После исторической встречи И. В. Сталина с руководителями Московской Патриархии судьба обновленческой Церкви была решена. Советским государством было принято решение о ликвидации обновленчества и восстановлении патриаршества. Главной причиной стала необходимость существования единой и неделимой Церкви, управляемой из одного центра и признаваемой большинством верующего населения страны. Поскольку объединение обеих Церквей проходило под нажимом властей, первыми патриаршество признали те обновленческие архиереи, которыми можно было легко манипулировать. Послушный, управляемый епископ всегда был выгоден советской власти, поскольку через него она имела возможность полностью контролировать как епархиальную, так и общецерковную деятельность. В обновленческой Церкви нашлись и противники объединения, но, несмотря на их активное сопротивление, обновленческие приходы насильственным путем были присоединены к Патриархии, и к концу 1946 г. процесс был практически завершен.

Примечания

¹ Архив Екатеринбургского Епархиального Управления. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 128–130 об.

² Там же. Л. 111–111 об.

³ ГАРФ. Ф. р-6991. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.

⁴ Архив Екатеринбургского Епархиального Управления. Ф. 1. Оп. 2. Д. 13. Л. 67.

⁵ ГАСО. Ф. р-88. Оп. 2. Д. 14. Л. 27, 28.

⁶ ГАРФ. Ф. р-6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 83–84.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.

⁸ Там же. Л. 15 об.

- ⁹ Там же. Д. 12. Л. 1.
¹⁰ ГАРФ. Ф. р-6991. Оп. 1. Д. 6. Л. 67–68.
¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 75.
¹² ГАРФ. Ф. р-6991. Оп. 2. Д. 2а. Л. 21–76.
¹³ Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177. Л. 100–101.
¹⁴ ГАРФ. Ф. р-6991. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.
¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 61, 71, 80.
¹⁶ Архив Екатеринбургского Епархиального Управления. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 7, 33, 78.
¹⁷ ГАПО. Ф. р-1205. Оп. 1. Д. 65. Л. 11.
¹⁸ Там же. Д. 599. Л. 76.
¹⁹ ГАРФ. Ф. р-6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 59.
²⁰ Архив Екатеринбургского Епархиального Управления. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 18, 45, 66.

Список литературы

1. «Обновленческий» раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / сост. И. В. Соловьев. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2002.
2. *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.
3. *Черчилль У.* Вторая Мировая война: в 6 т. М.: Терра-Книжный клуб, 1998. Т. 3.
4. *Шишкин А. А.* Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1970.
5. *Шкаровский М. В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999.
6. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.10.2009